

Маша Сандлер (marsornikova@gmail.com)

Пусть будет тайна

1. Пижамный полет

Я умею летать. А еще я очень честный и никогда не вру, поэтому я так и сказал дедушке:

- А я умею летать!

Дедушка сощурил глаза и говорит:

- Да это ты загибаешь, Лёнька.

«Загибаешь» это значит врешь, а я никогда не вру. Поэтому я очень рассердился.

- Нет, - говорю, - ничего я не загибаю, а правда умею!

Дедушка еще больше сощурился, голову наклонил и говорит:

- Раз так, ну тогда полети!

Как маленький прямо.

- Что ли сейчас, - спрашиваю? Что ли до завтрака? И не умываясь?

- Да, да, - отвечает дедушка, - именно до завтрака. Или у тебя способности вместе с умыванием проявляются?

Они, конечно, не с умыванием. Если уж человек умеет летать, то его ничего не может остановить, тут уж дедушка прав.

Так что мне ничего не оставалось. Я встал на кровати, оттолкнулся ногами и громко стукнул голыми пятками о паркет.

- И это полет? - рассмеялся дедушка. Нетерпеливый он очень.

- Погоди, мне надо сосредоточиться!

Он покачал головой, но промолчал, соблюдал тишину, чтобы я мог спокойно сосредотачиваться.

Я попробовал снова. И снова полета не вышло. Я еще раз, и еще...

Бабушка с кухни крикнула, чтобы мы с дедом прекратили топтать, а то соседи снизу придут.

Дедушка покачал головой, махнул рукой даже и пошел к бабушке на кухню. Обиделся. Он, как и я, сильно не уважает врунов.

Только я-то не врун. Как раз, когда дедушка вышел из комнаты, я почувствовал полетное настроение. Это когда внутри живота, поглубже, появляется летный пузырь. У рыбы есть плавательный пузырь с воздухом, поэтому она и не тонет. А у человека есть летный пузырь,

по крайней мере у меня. Только он обычно маленький-маленький, но может увеличиваться и тогда...

Я оттолкнулся пятками от кровати и завис под потолком у люстры. Хотел уже дедушку позвать, чтобы убедился, но тут заметил, что окно за шторой открыто. Потому что на улице очень тепло. Я подлетел к окну, распахнул его и вылетел во двор.

Там поднялся повыше, к верхним этажам нашего дома, потом сделал два круга над двором. Все деревья у нас еще маленькие, тоненькие, потому что недавно посаженные. И сам наш дом — новостройка. Но в середине двора стоят две огромные ветлы. Они тут росли еще до того, как наш дом построили. Из-дав-на. Ветлам тесно стоять так рядом, поэтому они сторонятся друг друга, отклоняются одна влево, другая вправо. А между стволами - уличный стол для домино и шахмат. Когда я пролетал, там никого не было, все еще спали, только под лавкой сидела дворовая собака Линька. Когда я спустился пониже, она подняла ко мне узкую морду и завиляла хвостом. Наверное, есть просила. Но у меня ничего не было с собой. Это был спонтанный полет, еще до завтрака и умывания. Пижамный.

Так что я помахал Линьке рукой и поднялся выше. У соседнего подъезда возился с метлой наш дворник дядя Тимур, но я постарался не попадаться ему на глаза. Все-таки в пижаме вылетать из дома не очень-то прилично.

Я поднялся еще выше, в розовые и золотые облака, и вылетел на простор. Мы живем на окраине, и сразу за домом — поле и поле, потом река, а потом деревня Протопопово. Называется так, потому что там жил не просто поп, а протопоп. Это как протоплазма или что-то вроде.

В поле меня подхватил ветер, лететь стало легче, но зато ветер забирался под пижаму, щекотал живот и лопатки холодными пальцами. Так что я полетел через реку в деревню. Над рекой спустился пониже — полюбовался на свое отражение в воде. Я так-то довольно симпатичный, даже когда в пижаме и не расчесывался со сна. Две большие рыбы, с меня ростом, всплыли к поверхности, поглядеть кто это тут летает.

Одна рыба в зеленоватой крупной чешуе, а вторая в синеватой. Вы их не знаете, а я знаю — это Никифор и Бурбулин. Такие имена. Но я, честно признаюсь, так и не догадался кто из них кто. Зеленоватый (предположительно Бурбулин) подпрыгнул, стараясь поймать меня за ногу. А синий Никифор не кусался, только звонко шлепнул хвостом по воде, так что я весь вымок. «Ныряй к нам! - сказали рыбы. - Вода-то какая, а! Самая мокрая на рассвете!» Ох, в другое время я бы с ними поиграл в догонялки, но не утром же, еще и в пижаме. Так что я поднялся повыше, показал хулиганам язык и полетел дальше.

За рекой в Протопопове кладбище и церковь. Деревня маленькая, а кладбище большое. Я спрашивал дедушку, он сказал, это потому, что люди здесь живут из-дав-на. Как ветлы во дворе. Глупо как-то устроено, что люди все время умирают. Я собираюсь договориться с дедушкой и бабушкой, чтобы они ничего такого и не думали. Ну и сам, конечно, не собираюсь умирать.

Посреди кладбища стоит маленькая толстенная церковь из красного кирпича, а рядом с ней — тоненькая высокая белая колокольня. Три этажа, на каждом много лесенок туда-сюда, а на самом верхнем — колокола.

Тут у меня летательный пузырь вдруг сжался и я начал стремительно падать прямо на колокольню. Здорово, наверное, треснулся бы, если бы меня звонарь Фима не подхватил.

Звонарь Фима — взрослый на вид, высокий, выше дедушки, а внутри маленький, еще меньше меня. И он ни с кем, кроме меня, не разговаривает, совсем как Никифор и Бурбулин.

- Можно мне тут у тебя передохнуть немного? - спросил я у Фимы, когда он меня отпустил.

Фима кивнул, конечно, можно, передыхивай. Я сел на каменный подоконник и стал смотреть, как Фима готовится звонить. Перебирает веревки, которые к разным колоколам — большим и маленьким — привязаны. Напружинивается и сосредотачивается. Совсем как я, когда готовлюсь летать. Наверное, у Фимы внутри звонительный пузырь... Хотя это только предположение, конечно, как на самом деле, я не знаю.

И вот я по Фиминым глазам понял, что он готов. Звон как будто уже родился у него внутри, надо его только к колоколам выпустить. Я тоже на ноги встал.

Фима ударил, сначала один раз в большой, потом сразу быстро в два других поменьше, и напоследок часто-часто в самый маленький! От этого перезвона летательный пузырь у меня внутри раздулся, и я подскочил и понесся в обратный путь. Помахал рыбам, Линьке, спугнул ворону на левой ветле, и поскорее нырнул в наше окно.

Только успел мокрую пижаму снять, натянуть джинсы и футболку, как дедушка ко мне в комнату заглянул:

- Ну ты чего, Лёнька, возишься?

- Вот ты ушел, - сказал я ему, - а я тут летал.

И рассказал ему все по порядку: про двор, розовые облака, рыб в реке, колокольню и Фиму.

Он не перебивал, слушал очень внимательно.

- Теперь ты веришь? - спросил я, когда закончил.

Дедушка кивнул, но вслух не сказал. Это он от гордости, а по глазам-то я видел, что он поверил.

- Пойдем, - говорит, - Ленька, завтракать. Там яичница остывает.

- Глазунья?

- Болтунья, прямо для тебя, - ответил дедушка.

Глазунью я больше люблю, но и болтунья сойдет, если вы до завтрака успели хорошенько полетать.

Пошли мы есть, болтунья очень вкусная оказалась, с зеленым горошком. Едим, а тут бабушка из моей комнаты кричит:

- Ленька, поросенок! Чего всю пижаму намочил? Да еще и в рыбьей чешуе ее вымазал, хулиган!